

УДК 821.161.1; ГРНТИ 17.82.94

<https://doi.org/10.47526/2024-4/2664-0686.118>**И.С. КЛИМЕНКО** *PhD докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби
(Казахстан, г. Алматы), e-mail: ivan-klimenko-2017@mail.ru***КОНТЕКСТЫ РАННЕЙ ПРОЗЫ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА: НОВЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Аннотация. В статье предлагаются интерпретации контекстов ранней прозы Всеволода Вячеславовича Иванова, одного из ярких представителей русской литературы начала XX века. Основная цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть новое в трактовках современными исследователями культурно-исторических условий, повлиявших на появление его первых рассказов и повестей. Актуальность исследования контекста прозы Всеволода Иванова обусловлена тем, что в его ранних произведениях отражены значимые события 20-ых годов XX века, которые оказали серьезное влияние на формирование его как писателя. Также подчеркивается необходимость пересмотра существующих однобоких подходов к оценке ранней прозы Иванова, которая долгое время оставалась в тени его более известных произведений. Для раскрытия поставленных задач использованы методы биографического, сравнительного и структурно-семиотического анализа, которые позволяют глубже понять контексты, в которых создавались произведения автора. Результаты показывают, что изучение этих контекстов дает возможность более полно осмыслить поведение Всеволода Иванова в те годы, его отношение к революции и гражданской войне как разрушительным силам, а также его стремление к поиску новых форм и приемов изображения трагических событий, происходивших в Казахстане, Западной Сибири и на Дальнем Востоке. Таким образом, исследование ранней прозы Иванова способствует расширению понимания его литературного наследия и его вклада в развитие русской литературы.

Ключевые слова: контексты, ранняя проза, «другой реализм», «герой из массы», новые интерпретации.

И.С. Клименко*Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің PhD докторанты
(Қазақстан, Алматы қ.), e-mail: ivan-klimenko-2017@mail.ru***Всеволод Ивановтың алғашқы прозасының контекстері: жаңа интерпретация**

Аңдатпа. Мақалада Всеволод Вячеславович Ивановтың XX ғасырдың басындағы орыс әдебиетінің жарқын өкілдерінің бірі ретінде алғашқы прозасының контекстерін түсіндіру ұсынылады. Зерттеудің негізгі мақсаты – қазіргі зерттеушілердің алғашқы әңгімелері мен повестерінің пайда болуына әсер еткен мәдени-тарихи жағдайларды жаңа тұрғыдан

***Цитируйте нас правильно:**

Клименко И.С. Контексты ранней прозы Всеволода Иванова: новые интерпретации // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2024. – №4 (134). – Б. 246–257. <https://doi.org/10.47526/2024-4/2664-0686.118>

***Cite us correctly:**

Klimenko I.S. Konteksty rannei prozy Vsevoloda Ivanova: novye interpretacii [The Contexts of Vsevolod Ivanov's Early Prose: New Interpretations] // *Iasauı universitetinin habarshysy*. – 2024. – №4 (134). – В. 246–257. <https://doi.org/10.47526/2024-4/2664-0686.118>

Дата поступления статьи в редакцию 03.10.2024 / Дата принятия 30.12.2024

қарастыру. Всеволод Иванов прозасының контексін зерттеу өзектілігі оның алғашқы шығармаларында ХХ ғасырдың 20-шы жылдарындағы маңызды оқиғалардың суреттелуіне байланысты, бұл оқиғалар жас жазушының қалыптасуына үлкен әсер еткен. Сонымен қатар, Ивановтың алғашқы прозасын бағалаудағы біржақты тәсілдерді қайта қарау қажеттілігі атап өтіледі, өйткені олар оның танымал туындыларының көлеңкесінде қалды. Зерттеудің қойылған міндеттерін ашу үшін биографиялық, салыстырмалы және құрылымдық-семиотикалық талдау әдістері қолданылды, бұл автордың шығармалары жазылған контекстерді тереңірек түсінуге мүмкіндік береді. Нәтижелер көрсеткендей, осы контекстерді зерттеу сол жылдардағы Всеволод Ивановтың мінез-құлқын, оның революция мен азаматтық соғысқа деген көзқарасын, сондай-ақ Қазақстан, Батыс Сібір және Қиыр Шығыстағы қайғылы оқиғаларды суреттеудің жаңа формалары мен әдістерін іздеуге деген ұмтылысын түсінуге мүмкіндік береді. Осылайша, Ивановтың алғашқы прозасын зерттеу оның әдеби мұрасын және орыс әдебиетінің дамуына қосқан үлесін кеңінен түсінуге ықпал етеді.

Кілт сөздер: контекстер, алғашқы проза, «өзгеше реализм», «халық арасынан шыққан кейіпкер», жаңа интерпретациялар.

I.S. Klimenko

*PhD Doctoral Student of Al-Farabi Kazakh National University
(Kazakhstan, Almaty), e-mail: ivan-klimenko-2017@mail.ru*

The Contexts of Vsevolod Ivanov's Early Prose: New Interpretations

Abstract. The article proposes interpretations of the contexts of the early prose of Vsevolod Vyacheslavovich Ivanov, one of the prominent representatives of early 20th-century Russian literature. The main goal of the study is to explore new interpretations by contemporary researchers of the cultural and historical conditions that influenced the creation of his initial stories and novellas. The relevance of studying the context of Ivanov's prose is due to the fact that his early works reflect significant events of the 1920s, which had a profound impact on the young writer's development. The article also emphasizes the need to revisit existing one-sided approaches to the evaluation of Ivanov's early prose, which has long been overshadowed by his more famous works. To address the research objectives, biographical, comparative, and structural-semiotic analysis methods were employed, enabling a deeper understanding of the contexts in which the author's works were created. The results indicate that examining these contexts provides insight into Ivanov's behavior during those years, his views on the revolution and the civil war as destructive forces, and his quest for new forms and methods of depicting tragic events in Kazakhstan, Western Siberia, and the Far East. Thus, the study of Ivanov's early prose contributes to a broader understanding of his literary legacy and his impact on the development of Russian literature.

Keywords: contexts, early prose, «other realism», «hero from the masses», new interpretations.

Введение

Всеволод Вячеславович Иванов (1895–1963) – бесспорно, одна из неординарных личностей в русской культуре ХХ века. В советский период почти не упоминалось его происхождение, намеренно не обращали внимание на казахский след в его необыкновенной биографии. Всеволод Иванов прежде всего был известен тем, что в литературу ввел его сам Максим Горький, написал «Бронепоезд 14-69», поставленный на сцене МХАТа, одобренный самим Сталиным, который долгое время относился к молодому писателю благосклонно и двадцать лет спустя цитировал наизусть «Дите» Всеволода Иванова, написанное в начале 20-ых годов. В 30-ые годы писатель был известен как один из активных деятелей Союза

советских писателей, лауреат различных литературных премий, двух орденов Трудового Красного Знамени, председатель Литфонда. И в то же время мало знали о Всеволоде Иванове, уроженце Казахстана, который в период жизни в Прииртышье и в Омске общался, по свидетельствам очевидцев, с Колчаком и другими белогвардейцами, бежал с армией Верховного правителя, но попал в руки красновардейцев и остался с ними. Писатель Антон Сорокин утверждал, что первоначально сюжеты о партизанах и даже «Бронепоезд» были полны сочувствия белой армии и Колчаку и лишь позже были «перекрашены» в красный цвет в угоду большевикам.

То есть вплоть до конца 90-ых годов XX века Всеволод Вячеславович Иванов воспринимался советскими читателями однобоко, как автор живописных и увлекательных историй о гражданской войне на огромной территории от Сибири до Дальнего Востока. Драматизм ситуации заключался в том, что эти произведения хотя и были полны революционной романтики, но значительно уступали всей созданной позже Вс. Ивановым экспериментальной разножанровой прозе, которая чаще всего не получала разрешения на публикацию. Происходило это, прежде всего, из-за партийной политики, которая определяла степень значимости писателя, исходя из тех или иных фактов, составлявших контекст его творчества.

С нашей точки зрения, актуальность исследования проблемы контекста прозы Всеволода Иванова обусловлена тем, что его творчество отражает важнейшие культурные и исторические процессы первой половины XX века. Но, в силу определенных обстоятельств в основном идеологического характера, ранние произведения Всеволода Иванова оказались исследованными недостаточно или, точнее сказать, однобоко, в соответствии с требованиями социалистического реализма. В связи с этим в настоящее время возникла необходимость в выявлении неисследованных аспектов и интертекстуальных связей ранней прозы писателя под новым углом зрения.

Предметом и объектом анализа и интерпретации в данной статье являются контексты рассказов писателя, вошедших в первые сборники писателя и не раз исследованных в критике и литературоведении советского периода. Цель статьи - рассмотреть новое в интерпретациях культурно-исторических условий появления рассказов и повестей Всеволода Иванова, написанных, по собственному признанию писателя, на основе увиденного в то необыкновенное время.

Методы исследования и материалы

Первые рассказы молодого Всеволода Иванова вобрали в себя все пережитое им в смутное время становления советской власти и гражданской войны в местах, отдаленных от Петрограда и Москвы, – в прииртышских степях Казахстана и южной Сибири. Для исследования контекстов ранней прозы Всеволода Иванова нами был использован комплекс научных методов, позволяющий всесторонне и глубоко анализировать его произведения: биографический и историко-культурный методы помогли установить связь между личной жизнью писателя, историческими событиями и их отражением в его творчестве. Сравнительно-исторический подход позволил сопоставить сюжеты рассказов Всеволода Иванова с прозой его современников и выявить уникальные черты его прозы. Приемы структурно-семиотического метода позволили определить иные скрытые смыслы его рассказов, на которые не обращали внимание прежние исследователи, и по-новому интерпретировать многозначность тех или иных фрагментов сюжета, раскрыть психологические и философские аспекты контекстов в новом свете.

При этом под понятием *контексты*, опираясь на концепцию А.Б. Есина, подразумеваются социально-политическая обстановка в эпоху создания произведения (исторический); факты биографии писателя, реалии бытового уклада эпохи, обстоятельства

работы писателя над произведением (история текста) и его внехудожественные высказывания (биографически-бытовой), а также включенность произведения в творчество писателя, в систему литературных направлений и течений (литературный контекст) [1].

Анализ и результаты

История изучения контекстов ранней прозы Всеволода Иванова позволяет понять не только драматичное положение писателя в первые годы формирования новой советской литературы, но и ту противоречивую ситуацию, когда оценка творчества любого писателя носила больше классовый, так называемый партийный характер. Уже первые рассказы Всеволода Иванова показали его стремление к творческому эксперименту, неслучайно он оказался в рядах «Серрапионовых братьев», увлекся орнаментальной прозой, фантастическим реализмом, что было отмечено критиками того времени самого разного направления. Александр Воронский, один из теоретиков социалистического реализма, анализировал рассказы и повести Всеволода Иванова с точки зрения их идейной направленности, поэтому объектом его критических статей были лишь «Бронепоезд 14-69» и «Пархоменко», где изображены революционные события и герои гражданской войны [2].

Представителей русской формальной школы Виктора Шкловского, Бориса Эйхенбаума, Марка Слонимского интересовали экспериментальная поэтика прозы Иванова, использование писателем литературных приемов остранения, заставляющие читателя смотреть на знакомые вещи под новым углом зрения [3], эксперименты с формой и структурой создаваемых Ивановым текстов [4], не понятых и не принятых ни читателями, ни критикой того времени. Такая участь постигла повесть «Возвращение Будды», книгу рассказов «Тайное тайных», романы «У», «Кремль», «Фантастические рассказы». По горькому признанию писателя, он опережал свое время, об этом же говорил Вениамин Каверин: «...Иванова больше всего интересовала та неожиданная, явившаяся как бы произвольной, фантастическая сторона революции и гражданской войны, которая никем еще тогда не ощущалась...» [5, с.33].

Драматизм ситуации усугублялся и тем, что Всеволода Иванова долгое время воспринимали только как «нового Горького», верного горьковским принципам социалистического реализма. Только в конце XX века появился новый взгляд на богатейшее наследие Всеволода Иванова, возможность «реабилитировать» забытую раннюю прозу писателя 20-30-ых годов XX века, рассмотреть социально-исторические условия времени создания писателем этих рассказов и повестей. Исследования современных литературоведов неизданных произведений Всеволода Иванова, публикация его дневников и писем, выход в свет мемуаров и воспоминаний его современников возродили интерес к личности писателя и его прозе.

Обращение к контекстам творчества Всеволода Иванова позволяет понять истинные мотивы замысла того или иного сюжета, восстановить ситуацию времени создания произведения. Начало новой волне исследований жизни и творчества писателя положили вдова Всеволода Иванова Тамара Каширина-Иванова (1900–1995), актриса, переводчица и мемуарист, сохранившая весь архив писателя, и сын писателя Вячеслав Всеволодович Иванов, подготовившие в 1975 году книгу воспоминаний «Всеволод Иванов – писатель и человек» [6].

Материалами о гражданской войне и о поведении Всеволода Иванова в эти годы насыщена монография С.Н. Поварцова «Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова)» [7]. Литературовед, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН, внучка писателя Е.А. Папкова написала монографию «Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции» [8], в которой даны новые материалы о павлодарско-сибирском периоде жизни писателя. Уточняют страницы биографии писателя опубликованные исследователем творчества писателя и содержащие

подробные комментарии М.А. Черняк письма Всеволода Иванова критику А.К. Воронскому [9].

Взаимоотношения Вс. Иванова с «серапионовыми братьями» подробно проанализированы в статьях Вяч.Вс. Иванова и Е.А. Папковой, которые вошли в Международный научный сборник конференции «Серапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию образования литературной группы» [10-11]. Новые материалы о жизни и творчестве Всеволода Иванова и пояснения к ним содержатся в монографии Л.П. Якимовой «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века» [12].

В ранних исследованиях творчества писателя отмечается, что в прозе Вс. Иванова сибирского периода 1921–1923 гг. (рассказы в сборниках «Рогульки», «Седьмой берег» и др.) события революции и гражданской войны показаны через призму сознания участника и очевидца тех перемен, которые принесла в степь новая власть. Новый взгляд на эти рассказы и повести сформирован исследованиями последних лет о его тесном знакомстве не только с Колчаком, но и другими деятелями белого движения, появлением доказательств о его сочувствии белогвардейцам. В.Н. Яранцев считает, что повести о партизанах и «Бронепоезд 14-69» по замыслу были антибольшевистскими [13], с ним солидарен и В. Огрызко, историк, литературовед, автор некомплементарных, «разоблачительных» статей о Всеволоде Иванове [14]. Но другие авторитетные историки литературы, в частности, В.В. Полонский, отмечают, что В. Огрызко зачастую искажает те или иные факты и довольно произвольно использует архивные материалы [15]. Все это является еще одним доказательством необходимости пересмотра и переоценки многих произведений Всеволода Иванова.

В русскую литературу Всеволод Иванов вошёл прежде всего как автор рассказов и, по собственным воспоминаниям, в их основу легли его события юношеских лет: скитания по сибирской земле, работа циркачом, где он показывал мелкие фокусы и писал «маленькие» сценарии к выступлениям в цирке, занятия магией, гипнозом, факиризмом. В поисках приключений и смысла жизни он отправляется в Индию, но, не дойдя до неё, устраивается наборщиком в типографии Кургана и других сибирских городов. Обращение к жанру рассказа было продиктовано постоянным стремлением писателя экспериментировать. Большое влияние в этот период оказал на него и Максим Горький. История знакомства и последующей дружбы двух писателей взаимоотношений довольно обстоятельно исследована в литературоведении, но можно сказать, в основном в привычном для советского времени ключе. И лишь в последние годы после публикации новых материалов из личных архивов писателя стали известны попытки самого Вс. Иванова отмежеваться от своего учителя, писать не так и не то, что дружески советовал ему Максим Горький. Литературный критик, литературовед С.Н. Поварцов в исследовании «Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова)» [7] делает акцент на признание Вс. Иванова: «Обо мне Горький всегда думал неправильно. Он ждал от меня того реализма, которым был сам наполнен до последнего волоска. Но мой «реализм» был совсем другой, и это его не то чтобы злило - а приводило в недоумение, и он всячески направлял меня в русло своего реализма» [16, с. 335], и анализирует рассказы Иванова, написанные в другой манере, отличной от горьковского нравоописательного реализма.

По-новому интерпретируются и сюжеты первого самодельного сборника рассказов Всеволода Иванова «Зелёное пламя», которым в свое время заинтересовался Максим Горький. Исследователи советского периода отмечали общее в творческой манере обоих писателей, активную учебу молодого Иванова у Горького: приём рассказа в рассказе, мотив скитания, схожие пейзажные зарисовки. Новое отмечает писатель Ю.Б. Орлицкий в монографии «Стих и проза в культуре Серебряного века» [18, с. 252]: не только «свинцовые мерзости жизни», которые сопровождают молодого автора этих сюжетов, но и думы о

будущем этих мест. Как и его учитель, Вс. Иванов описывает юношеские приключения, скитания по Сибири, где он встречал и фокусников, и шаманов, и авантюристов, и циркачей, познавал быт и нравы сибиряков. Но названия рассказов и сказок, а отличие от горьковских рассказов и новелл в сборнике «По Руси», поэтичны, настраивают рассказчика и его слушателей на лирический лад: «Рао» – «из сибирских легенд»; «Нио» – «из рассказов об ушедшей Сибири»; «Сон Ермака» – «из легенд об умершей Сибири». Исследователь отмечает наличие в сюжетах этого сборника и прозы, и лирики. Вс. Иванов, с первых шагов в литературе стремился к экспериментам, писал стихи в раешном стиле, вводил в прозу стихи, использовал раешник и верлибр, то есть, по утверждению Ю.Б. Орлицкого, он искусно применял прозиметр. К примеру, в «Красной чуме миллиард» присутствуют лирические отступления и обращения к силам природы [18].

Первым печатным сборником рассказов писателя стала книга «Рогульки». Многие критики отмечали, что сюжеты в этом сборнике автобиографичны. Но в последние годы возник интерес и к историям о крестьянах-правдоискателях: «Шантрапа», «В степи», «Джут», «Три копейки», «Купоросный Федот» и др. Автобиографические элементы рассказов отсылают нас ко времени работы Всеволода Иванова в цирке, типографии, бродячем театре. В большинстве рассказов этого цикла описаны те или иные приключения в жизни писателя времён гражданской войны, что позволяет легко восстановить биографический контекст его сюжетов, понять, был или не был Вс. Иванов непосредственным участником событий гражданской войны.

Новую интерпретацию контекстов, созданных Вс. Ивановым сюжетов предлагает Е.А. Папкина: восстановив события, упущенные или намеренно забытые другими исследователями прозы своего деда, она утверждает, что даже свои знаменитые повести, вошедшие в сборник «Цветные ветра» («Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра») он написал под крестьянским углом зрения. Хотя отношение к Всеволоду Иванову как новокрестьянскому писателю не ново: Вяч. Полонский, популярный в 20-30-е годы критик, в обзоре советской литературы, упоминал среди новокрестьянских писателей наряду с Николаем Клюевым и Всеволодом Ивановым, все же отметив изменения мотивов творчества писателя: «Писатель, сумевший ярко и размашисто, по-крестьянски, по-мужицки, показать мир глазами партизана, перестает быть мужицким голосом» [19, с. 227]. Современные исследователи, в частности, Е.А. Папкина, доказывают новаторский подход Вс. Иванова к решению вопроса о целях и намерениях простых людей, «героев из массы» в событиях, охвативших всю Россию. Он первым в новой литературе, раньше Александра Фадеева (повесть «Разгром») и Дмитрия Фурманова («Чапаев») показал нового героя из народа, действовавшего не из-за идеи, а произвольно, инстинктивно, исходя из своих собственных интересов, воюет не за новую власть, а за землю. Поэтому героями в рассказах «Денежный ящик», «Егорка Хвощ» и других являются крестьяне, ставшие красногвардейцами, но поступки их абсурдны и «негероистичны». В рассказе «Егорка Хвощ» герой присоединяется к отряду красных. Перед этим он долго пытается решить этот мучительный для него вопрос, в конце концов становится осведомителем. Абсурден и сюжет рассказа «Денежный ящик», где красногвардейцам дан приказ забрать денежный ящик у сибирского казачьего полка. Из-за этого ящика красногвардейцы выясняют отношения, нападают, отступают, а в итоге выясняется, что ящик пуст, о чём забыли сообщить в приказе [20]. Во всех рассказах Вс. Иванова этого периода о гражданской войне звучит трагический мотив осознания писателем бессмысленной гибели людей и природы.

Новые интерпретации событий гражданской войны, отразившиеся в ранней прозе Всеволода Иванова, позволяют по-другому осмыслить драму самого молодого писателя, часто оказывавшегося в пограничной ситуации. Показательна в этом плане история, описанная в рассказе «Как создаются курганы»: приближается весна, нужно очистить город

от трупов, решить вопрос с захоронением восьми тысяч погибших. Рассказчик, он же герой сюжета, работает в отделе школьного образования, ставит пьесу Шекспира и уговаривает актёров сыграть шекспировских героев, но они отказываются по политическим мотивам: им нужны только патриотические роли, Шекспир не входит революционный репертуар. Герою поручают избавить город от трупов: было решено скинуть в реку, но позже потрясенному герою удалось предать их земле. Биографический контекст, почерпнутый нами из последних исследований ивановедов, объясняет драматичное развитие мотива отцеубийства и братоубийства в «Происшествие на реке Тун»: из воспоминаний самого писателя и близких ему людей известна трагедия, разыгравшаяся в семье Ивановых: младший брат писателя Палладий нечаянно убил отца оставленным без надзора заряженным ружьем Всеволода Иванова.

В 20-ые годы, в так называемые первые годы петроградского периода, Всеволод Иванов создаёт цикл рассказов, которые вошли в сборник «Седьмой берег». Молодому провинциалу покровительствует Максим Горький, который «пристраивает рассказы в журналы и заботится», познакомил «с рядом умных и полезнейших людей» [21, с. 303–304]. Благодаря ему Всеволод Иванов активно печатается в советских журналах и газетах, «толстый» литературный журнал «Красная новь» открывается повестью Всеволода Иванова «Партизаны». Он издаётся наравне с Андреем Белым, Федором Сологубом и др. Однако в каждом его произведении, несмотря на простоту сюжета, звучит мотив пагубности войны, душевная боль за родину и людей. Несовпадения между мечтами, и тем, что происходит в стране, отражают то творческий перелом, о котором к настоящему времени написано немало статей, опубликованы ранее не издававшиеся свидетельства самого писателя, его родных и друзей.

В ходе исследования возникло предположение, что на мировоззрение писателя этого времени повлияло его участие в литературной группе «Серапионовы братья», которые представляли собой объединение молодых писателей и поэтов, возникшее в 1921 году. Членами объединения были Лев Лунц, Илья Груздев, Михаил Зощенко, Вениамин Каверин, Николай Никитин, Михаил Слонимский, Елизавета Полонская, Константин Федин, Николай Тихонов, Всеволод Иванов. В своих программах члены группы в противовес пролетарской литературе подчёркивали безразличие к политическому статусу автора, главным для них было само произведение, сам текст. Поэтому они были заняты поисками новых приемов отображения действительности. Виктор Шкловский ввел прием остранения, другие были заняты поисками приёмов овладения новым материалом, увлекательной фабулы, представляли трагическое в жизни, в том числе и события недавно окончившейся гражданской войны, в форме комического. Именно здесь Всеволод Иванов, прозванный Алеутом, увлекся «орнаментальной прозой», фантастическими и экзотическими сюжетами. Он признавался, что ему тесно в рамках горьковского реализма, хотя и не отказывался от своего учителя, по собственному признанию Иванова, понимал, что «в этом русле <...> удобнее и тише было бы плыть» [16, с. 335], но его реализм – другой. Эту гипотезу о «другом», негорьковском реализме можно считать новой, ставшей ведущей в последних исследованиях прозы Всеволода Иванова.

Рассказывая о замысле сборника «Седьмой берег», писатель отмечал, что название сборника связано с казахской легендой о «семи берегах» (об этом писатель рассказывает в «Истории моих книг», написанной в конце жизни). Богатырь переправляется через три неимоверно быстрые реки. Первая река – река рождения, вторая – река учения, третья – река работы. Только перейдя три реки, шесть берегов, богатырь подходит к четвертой реке, на седьмой берег, – к реке счастья. Согласно легенде, только пройдя весь этот путь, можно обрести счастье [17, с. 146].

В этот сборник вошли рассказы, новеллы, сказки и сказы Всеволода Иванова,

написанные в начале 20-ых годов. Некоторые рассказы сборника сразу же были опубликованы за рубежом («Дите», «Лога» в газете «Накануне»). Первое печатное издание сборника рассказов «Седьмой берег» вышло в издательстве «Круг». Научный интерес к ранней прозе писателя возродился в начале 90-ых годов. Новой интерпретации подверглись рассказы «Глиняная шуба», «Лоскутное озеро», «Лога», «Синий зверюшка», «Вахада, ксара, гуятуи», «История Чжень-Люня», «Бык времен», «Жаровня архангела Гавриила», «Амулет», «Глухие маки», «Дите», «Алтайские сказки», «Рассказы о себе», «Подкова», «Полая Арапия», «Берег желтых рыб» и др. Сборник открывался рассказом «Глиняная шуба» [22], за анекдотическим сюжетом которого (дьякон и сельский учитель сговариваются украсть старую шубу у продкомиссара, чтобы посмотреть, какие роскошные меха он приобретет вместо нее) скрывались несмешные вопросы революции. Завязка сюжета парадоксальна, в духе поэтики «Серапионовых братьев»: «Пальма в Сибири не водится, – есть тополь, кедр, лиственница и, конечно, человек при них. Без человека и дереву скучно [22, с. 82]. Интерпретации событий, описанных в этом рассказе, посвящена статья современного исследователя из Новосибирска И.Е. Лощилова «Пальма в Сибири не водится...»: к сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» [23].

Контекст рассказа отсылает читателя к истории жизни садовода Петра Саввича Комиссарова, который в Сибири, несмотря на суровый климат, сумел вырастить большой сад, где росло много плодовых экзотических деревьев. Однако события гражданской войны и революции погубили сад. Всеволод Иванов переработал эту историю. Стоит отметить, что почти во всех рассказах сборника у писателя звучит тема крестьянской жизни, изображается жизнь «мужика из народа» где-то с положительной, а где-то, по утверждению Максима Горького, с отрицательной стороны.

Рассказы из этого сборника интересны и по своей композиции, куда включены легенды и другие фольклорные элементы, среди которых можно встретить упоминания о благословенных городах и землях, куда мечтают добраться герои. Причём это не известные русские легенды, это легенды времён далёкой Сибири, легенды разных народов, населявших эти земли – киргизов, китайцев, уйгуров. Одни легенды содержат столь любимый для писателя мотив голубых песков: По степи, где «голубые запахи песков», движется караван: «Скрипят неподмазанные арбы, медленно шагают верблюды, и киргизы не глядят на нас, а упрямо на запад». На вопрос, куда они бегут, мать героя отвечает: «От мору бегут. Може, в Китай. Може, в Индию... Они поди и сами не знают. Жрать нечего – и бегут» [24, с. 40]; другие рассказы восходят к сюжетам о «далёких землях». Например, в рассказе «Лоскутное озеро» жителям деревни один человек советует сорок раз обойти рукава Лоскутного озера, чтобы прийти к спасению. И вновь счастье находится далеко: «Сказывают, счастье наше за девять морей, за девять земель, на девятом острове на Сарачинском. А как тебе пешком туда идти, в три года не дойти, орлом лететь тебе – в три года не долететь...» [25, с. 105].

Помимо рассказов о русских крестьянах-правдолюбцах, в сборник включены и рассказы с восточными мотивами. Завершается книга рассказом «Дитё», который начинается с описания Монголии, где происходят военные действия: «Монголия – зверь дикий и нерадостный. А у человека монгольского сердце неизвестно какое – ходит он, говорят, в шкурах, похож на китайца и от русских далеко, через пустыню Нор-Кой стал жить. И говорят еще, уйдет он за Китай и Индию в синие непознаваемые страны» [26, с. 279].

Объединяющим мотивом всего содержания сборника «Седьмой берег» являются легенды о некой плодородной земле, идеальной стране, поисками которой заняты люди в условиях братоубийственной гражданской войны. Так, например, в рассказе «Лога» описывается земля плодородная, где люди сыты и довольны, а за этими землями голод и разруха. Образы «далёких земель», создаваемые Ивановым, отражают его отношение к происходящим в России событиям, связаны с послереволюционными разговорами о мировой

революции, с намерением совершить революцию «азиатской направленности». В это же время газета «Петроградская правда», с которой сотрудничает Всеволод Иванов, часто поднимала этот животрепещущий вопрос. Поэтому вполне допустимо, что рассказы писателя стали откликами на «идею мировой революции», в совершении которой принимают участие русские и казахи, китайцы и корейцы и другие народы угнетенного Востока, по-своему откликнувшиеся на происходящее в мире.

Всеволод Иванов хорошо знал фольклор многонациональной Сибири, что явственно обнаруживается в контексте «Седьмого берега». Легенда о Беловодье связана с Алтаем, не раз упомянута Индия со своими сказочными богатствами, Белая Арапия, которую ищут отчаявшиеся люди, фантастическое место изобилия, по мнению Вс. Иванова, находится на берегах Сыр-Дарьи. В описании этих утопий чувствуются отголоски легенд об Асане-Кайгы, отправившемся на своей Желмая на поиски обетованной земли Жеруюк. Эти легенды были известны Всеволоду Иванову с детства жившему среди казахов, знавшему эти «степные истории». Неслучайно казахи, общаясь с ним на своем родном языке, называли его Сиволот и вели с ним долгие неспешные беседы. Об этом периоде жизни Всеволода Иванова написано в книге Павла Петровича Косенко «След» [27]. В интерпретации писателя Асан-Кайгы ищет плодородную страну, где люди живут сыто, не зная горя и нужды, и через семь лет он находит обетованную землю вблизи Ирана, в двух неделях езды от Бухары. Как видим, ивановские сюжеты о плодородных землях перекликаются с сюжетами казахского фольклора.

Но определяющим мотивом в этих рассказах является мотив голода в самых разных вариациях, навеянный картинами действительности в эпоху гражданской войны. Одним из таких ивановских сюжетов, имевших место в жизни, является рассказ «Лога». Сюжет бесхитростно-наивный и натуралистичный: через казачье село проезжают кибитки с умирающими от голода киргизами: киргизы лежали на тонкой кошме «тонкие, как жерди», «лупящаяся кожа пластами, как алебастр, прорывала острые кости», верблюды были голы, и «кожа их морщилась, как солнце в засуху». Интертекст отсылает нас к эпохе голодомора, когда засуха, неурожай, голод были главной проблемой советской России 1920-ых годов. По данным газеты «Известия», в октябре 1921 года голодало 21 073 000 человек (из них 8 700 000 детей); в декабре 1921 г. – 23 227 000 человек. Весной 1922 г. количество голодающих достигло 30 миллионов человек. Иванов одним из первых показал на единичном случае отражение общего состояния жизни людей, лишившихся земли.

В современном ивановедении больше внимания уделяется поэтике ранней прозы Всеволода Иванова. Если в советском литературоведении он был больше известен и почитаем как художник революции и гражданской войны, то последние исследования акцентируют внимание на том, что он является наследником психологических традиций А.П. Чехова И.А. Бунина. Объектом изучения современных литературоведов стала поэтика рассказов «Седьмого берега» в аспектах мотивной организации и художественной структуры.

Одним из рассказов, вобравшим в себя поиски Всеволодом Ивановым в области орнаментальной прозы, является рассказ «Дитё» [26, с. 279-296], которым заканчивается сборник рассказов «Седьмой берег». Его сюжет психологически воздействует на читателя, когда поиск истины оказывается непосильным для ищущего. Это своеобразная притча о человеке в орбите новых идей революции, иносказательный смысл которой и актуален, и значителен. Здесь над беспомощным младенцем, которого партизаны нашли возле убитых ими «беляков», угрожающе нависла, кажется, вся громада проблем гражданской войны. Иванов показывает жестокосердие людей, кот. из-за войны стали «злобны, как волки весной». Вопреки жестокости обстоятельств крохотное человеческое существо у Иванова не погибает. Его спасает высокое чувство милосердия и справедливости, которое прорастает в душах партизан сквозь ненависть и злобу. «Дите ни при чем», - решают они, сделав почти невозможное: они преодолевают классовую беспощадность. Но, спасая «свое» дитя, красные

партизаны поступают далеко не гуманно: заставляют женщину-киргизку кормить его грудью, губят «чужое» дитя, лишают его не только материнского молока. История рассказывает о бесконечной сложности человеческой личности революционного времени, об опасной зависимости добра и зла от социальных, классовых, национальных предрассудков, их переменчивости и текучести. Казначей отряда партизан Афанасий Петрович в этих условиях вражды и ненависти испытывает нежность к спасенному дитя, пытается пробудить у товарищей что-то человеческое и мирное, но ценой жизни ребенка иной национальности.

Неслучайно возникает попытка отыскать интертекстуальные связи и параллели с другими сюжетами того времени и, в первую очередь, с рассказом Михаила Шолохова «Шибалково семья», написанным в 1924 году. По мнению Р.М. Ханиновой, исследователя психологизма прозы Всеволода Иванова, «Дите» является новеллой, вобравшей в себя все признаки этого жанра [28]. Изучение ранней прозы писателя, написанной на казахстанском материале, в которой явственно видны реалистические традиции не только Максима Горького, но и А.П. Чехова и И.А. Бунина, является новым перспективным направлением в современном литературоведении.

Заключение

Всеволод Иванов и его ранние рассказы ишимско-омского периода переживают возрождение. Судьба писателя была трудной, можно сказать, драматичной. Его не раз предавали забвению, изымали из библиотек и вузовских программ, огульно обвиняли в сочувствии белому движению. Новый взгляд на личность и творчество писателя возник не без помощи близких ему людей, в начале XXI века опубликовавших неизвестные до сих пор его произведения, с обстоятельными комментариями, позволяющие восстановить контексты многих событий его жизни, отразившейся в творчестве. Серьезные научные исследования контекстов орнаментальной и фантастической малой прозы писателя, романов «У», «Кремль» и других произведений Всеволода Иванова, проведенные Е.А. Папковой, Л.П. Якимовой, С.Н. Поварцовым, Р.М. Ханиновой и другими позволяют понять мотивы поступков героев Всеволода Иванова, в поведении которых много и от самого автора, пишущего откровенно, документально.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
2. Воронский А. Критика революционного реализма // Литературная учеба. – 1925. – № 6. – С. 23–34.
3. Эйхенбаум Б.М. О прозе, о поэзии: сборник статей. – Л.: Худож. лит. 1986. – 446 с.
4. Слоним М. Всеволод Иванов // Портреты советских писателей. – Париж: Параболла, 1933. – С. 62–73.
5. Каверин В. Всеволод Иванов и его время // Литературная учеба. – 1928. – №4. – С. 33–45.
6. Иванов В.В., Каширина-Иванова Т. Вс. Иванов – писатель и человек. – М.: Современник, 1975. – 256 с.
7. Поварцов С.Н. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова). – СПб.: Наука, 2005. – 320 с.
8. Папкова Е.А. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»: на перекрестке советской идеологии и национальной традиции. – М.: Наука, 2010. – 276 с.
9. Черняк М.А. Письма Вс. Иванова к А.К. Воронскому // Вопросы литературы. – 1998. – №5. – С. 112–123.
10. Иванов В.В. Серапионовы братья: взгляд из 2011 года. В кн.: Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты. К 90-летию со дня образования литературной группы. – Саратов: Орион, 2011. – С. 8–9.

11. Папкина Е.А. Эстетика и идеология серапионов «восточной группы». В кн.: Серапионовы братья: Философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: К 90- летию образования литературной группы. – Саратов: Орион, 2011. – С. 15–23.
12. Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века. – М.: Наука, 2015. – 340 с.
13. Яранцев В.Н. Биография, автобиография, жизнь (К портрету Всеволода Иванова). – М.: Молодая гвардия, 2023. – 399 с.
14. Огрызко В. Обратная сторона медали: Критические заметки о Всеволоде Иванове // Литературная Россия. – 2005. – №10. – С. 5–12.
15. Полонский В.В. Современные исследования прозы Всеволода Иванова // Вопросы литературы. – 2006. – №6. – С. 84–97.
16. Иванов В.В. Из дневников и заметок разных лет. В кн.: Иванов В.В. Собр. соч. в 8 тт. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1978. – С. 303–526.
17. Иванов Вс. История моих книг // Наш современник. – 1957. – №3. – С. 120–150.
18. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в культуре Серебряного века. 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2019. – 904 с.
19. Полонский В. Очерки литературного движения революционной эпохи (1917-1927). – М.-Л.: ГИЗ, 1928. – 334 с.
20. Иванов Вс. Денежный ящик. В кн.: Иванов Вс. Пустыня Тууб-Коя. Рассказы. – М.; Л.: Московский рабочий, 1926. – С. 57–66.
21. Иванов Вс. Письма Всеволода Иванова Кондратию Урманову. В кн.: Иванов Вс. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. – Новосибирск: ИД «Свинья и сыновья», 2015. – С. 281–390.
22. Иванов Вс. Глиняная шуба: Рассказ // Грядущее: Пролетарский лит.-худож. журн. – 1921. – №7-8. – С. 82–97.
23. Лоцилов И.Е. Пальма в Сибири не водится... : К сибирским контекстам первой фразы рассказа Всеволода Иванова «Глиняная шуба» // Вопросы литературы. – 2017. – №3. – С. 62–72.
24. Иванов Вс. Рассказы о себе // Иванов Вс. Седьмой берег. – М.; Пг.: Круг, 1923. – С. 37–47.
25. Иванов Вс. Лоскутное озеро. В кн.: Иванов Вс. Седьмой берег. – М.; Пг.: Круг, 1923. – С. 105–120.
26. Иванов Вс. Дитё. В кн.: Иванов Вс. Седьмой берег. – М.; Пг.: Круг, 1923. – С. 279–296.
27. Косенко П.П. След: биографические повести и литературные портреты. – Алма-Ата: Жазушы, 1980. – 280 с.
28. Ханинова Р.М. Своеобразие психологизма в рассказах Всеволода Иванова (1920-1930-е гг.): дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: СГУ, 2004. – 225 с.

REFERENCES

1. Esin A.B. Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie [Principles and techniques of analyzing a literary work: A textbook]. – М.: Flinta, Nauka, 2000. – 248 s. [in Russian]
2. Voronskiy A. Kritika revoliucionnogo realizma [Criticism of revolutionary realism] // Literaturnaja ucheba. – 1925. – № 6. – S. 23–34. [in Russian]
3. Eihenbaum B.M. O proze, o poezii: sbornik statei [On prose, on poetry: collection of articles]. – L.: Hudoj. lit. 1986. – 446 s. [in Russian]
4. Slonim M. Vsevolod Ivanov [Vsevolod Ivanov] // Portrety sovetskih pisatelei. – Parij: Parabola, 1933. – С. 62–73. [in Russian]
5. Kaverin V. Vsevolod Ivanov i ego vremena [Vsevolod Ivanov and his time] // Literaturnaja ucheba. – 1928. – №4. – S. 33–45. [in Russian]
6. Ivanov V.V., Kashirina-Ivanova T. Vs. Ivanov – pisatel i chelovek [Ivanov is a writer and a man]. – М.: Sovremennik, 1975. – 256 s. [in Russian]
7. Povarcov S.N. Biografija, avtobiografija, jizn (K portretu Vsevoloda Ivanova) [Biography, autobiography, life (To the portrait of Vsevolod Ivanov)]. – SPb.: Nauka, 2005. – 320 s. [in Russian]
8. Papkova E.A. Kniga Vsevoloda Ivanova «Tainoe tainyh»: na perekrestke sovetskoj ideologii i nacionalnoj tradicii [Vsevolod Ivanov's book “The Secret of the Secret”: at the crossroads of Soviet ideology and national tradition]. – М.: Nauka, 2010. – 276 s. [in Russian]

9. Cherniak M.A. Pisma Vs. Ivanova k A.K. Voronskomu [Letters of the Sun. Ivanova to A.K. Voronsky] // Voprosy literatury. – 1998. – №5. – S. 112–123. [in Russian]
10. Ivanov V.V. Serapionovy bratia: vzgliad iz 2011 goda. V kn.: Serapionovy bratia: filosofsko-esteticheskie i kulturno-istoricheskie aspekty [The Serapion Brothers: a look from 2011. In: The Serapion Brothers: philosophical, aesthetic, cultural and historical aspects]. K 90-letiu so dnia obrazovania literaturnoi gruppy. – Saratov: Orion, 2011. – S. 8–9. [in Russian]
11. Papkova E.A. Estetika i ideologia serapionov «vostochnoi gruppy». V kn.: Serapionovy bratia: Filosofsko-esteticheskie i kulturno-istoricheskie aspekty [Aesthetics and ideology of the serapions of the "Eastern group". In: The Serapion Brothers: Philosophical, aesthetic, cultural and historical aspects]. K 90-letiu obrazovania literaturnoi gruppy. – Saratov: Orion, 2011. – S. 15–23. [in Russian]
12. Iakimova L.P. «Pri jizni proizveden v klassiki». Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20-h – 30-h godov XX veka ["During his lifetime he was made a classic." Vsevolod Ivanov in the historical and literary context of the 20s – 30s of the twentieth century]. – M.: Nauka, 2015. – 340 s. [in Russian]
13. Iarancev V.N. Biografia, avtobiografia, jizn (K portretu Vsevoloda Ivanova) [Biography, autobiography, life (To the portrait of Vsevolod Ivanov)]. – M.: Molodaia gvardia, 2023. – 399 s. [in Russian]
14. Ogryzko V. Obratnaia storona medali: Kriticheskie zametki o Vsevolode Ivanove [The reverse side of the coin: Critical notes on Vsevolod Ivanov] // Literaturnaia Rossia. – 2005. – №10. – S. 5–12. [in Russian]
15. Polonskiy V.V. Sovremennye issledovania prozy Vsevoloda Ivanova [Modern studies of Vsevolod Ivanov's prose] // Voprosy literatury. – 2006. – №6. – S. 84–97. [in Russian]
16. Ivanov V.V. Iz dnevnikov i zametok raznyh let. V kn.: Ivanov V.V. Sobr. soch. v 8 tt. T. 8 [From diaries and notes from different years. In: Ivanov V.V. Collected works in 8 vols. Vol. 8]. – M.: Hudojstvennaia literatura, 1978. – S. 303–526. [in Russian]
17. Ivanov Vs. Istoria moih knig [The history of my books] // Nash sovremennik. – 1957. – №3. – S. 120–150. [in Russian]
18. Orlickiy Iu.B. Stih i proza v kulture Serebriannogo veka [Verse and prose in the culture of the Silver Age]. 2-e izd. – M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2019. – 904 s. [in Russian]
19. Polonskiy V. Ocherki literaturnogo dvizhenia revoliucionnoi epohi (1917-1927) [Essays on the literary movement of the Revolutionary Era (1917-1927)]. – M.-L.: GIZ, 1928. – 334 s. [in Russian]
20. Ivanov Vs. Deneznyi iashik. V kn.: Ivanov Vs. Pustynia Tuub-Koia. Rasskazy [Money box. In: Ivanov Vs. The Tuub-Koya Desert. Short stories]. – M.; L.: Moskovskiy rabochiy, 1926. – S. 57–66. [in Russian]
21. Ivanov Vs. Pisma Vsevoloda Ivanova Kondratiu Urmanovu. V kn.: Ivanov Vs. Tainoe tainyh. Rasskazy i povesti. Pisma [Letters of Vsevolod Ivanov to Kondrati Urmanov // Ivanov Vs. The Secret of the secret. Short stories and novellas. Letters]. – Novosibirsk: ID «Svinin i synovia», 2015. – S. 281–390. [in Russian]
22. Ivanov Vs. Glinianaia shuba: Rasskaz [Clay coat: A story] // Griadushee: Proletarskiy lit.-hudoj. jurn. – 1921. – №7-8. – S. 82–97. [in Russian]
23. Loshhilov I.E. Palma v Sibiri ne voditsia...: K sibirskim kontekstam pervoi frazy rasskaza Vsevoloda Ivanova «Glinianaia shuba» [Palm tree is not found in Siberia ...: To the Siberian contexts of the first phrase of Vsevolod Ivanov's story "The Clay coat"] // Voprosy literatury. – 2017. – №3. – S. 62–72. [in Russian]
24. Ivanov Vs. Rasskazy o sebe [Stories about himself] // Ivanov Vs. Sedmoi bereg. – M.; Pg.: Krug, 1923. – S. 37–47. [in Russian]
25. Ivanov Vs. Loskutnoe ozero. V kn.: Ivanov Vs. Sedmoi bereg [Patchwork lake. In: Ivanov Vs. The seventh shore]. – M.; Pg.: Krug, 1923. – S. 105–120. [in Russian]
26. Ivanov Vs. Ditio. V kn.: Ivanov Vs. Sedmoi bereg [Dite. In: Ivanov Vs. The Seventh coast]. – M.; Pg.: Krug, 1923. – S. 279–296. [in Russian]
27. Kosenko P.P. Sled: biograficheskie povesti i literaturnye portrety [Sled: biographical stories and literary portraits]. – Alma-Ata: Jazushy, 1980. – 280 s. [in Russian]
28. Haninova R.M. Svoeobrazie psihologizma v rasskazah Vsevoloda Ivanova (1920-1930-e gg.): dis. ... kand. filol. nauk. [The originality of psychologism in the stories of Vsevolod Ivanov (1920-1930s): dis.] – Stavropol: SGU, 2004. – 225 s. [in Russian]